

АМЕРИКАНСКИЙ ДЕДУШКА

«Я ограбил родную бабушку»

— Сергей Владимирович, вы ведь в юности трудились в журнале «Крокодил», в «Литературной газете», писали сценарии для «Фитиля». С чего вдруг увлеклись фельетонами?

— Когда меня за плохую успеваемость, недостойное поведение и за то, что ограбил родную бабушку (перед этим крупно проигрался в карты), выгнали из энергетического института, я устроился работать на «Мосфильм» осветителем, а параллельно, в свободное время, писал рассказы и отсылал их в те самые издания, получая таким образом еще дополнительный заработок. А уже когда я окончил ВГИК, меня взяли в штат «Крокодила» спецкором. Замечательные были годы! Я объехал всю страну. А какие послания мне удалось прочитывать! Ведь мешки писем в редакцию приходили.

— В основном народ жаловался на бытовые проблемы?

— Да, но и в этой обиденности можно было найти настоящую жемчужину, которая таила в себе огромный философский смысл. Помню, пришло одно письмо из Казахстана, из Чимкентской области. Бензозаправщик Паша Камбетов писал, что, мол, вроде все у них хорошо, лишь единственная несправедливость мучает: директор совхоза, построив себе дом, провел горячую воду из общей бани, таким образом что-то серьезно нарушив. Получалось, что, когда он начинал мыться, весь кипяток уходил к нему, а сидящие в парилке, в мыле и пене, мерзли и терпеливо ждали окончания его водных процедур. И вот бензозаправщик просил помочь — хотя бы как-то урегулировать определенные часы помывки и прочее...

— Но все же о кино мечтали с детства?

— Да нет. Я любил лошадей, хотел стать жокеем. Но ростом не подошел — они все маленькие. Еще хотел быть журналистом, но заикание и тут помешало. А впоследствии уже, конечно, мечтал о писательстве. Вот и стал писать сценарии, потом уже загорелся идеей их же и снимать самому, никому не доверяя...

— Ну это же совершенно другое видение — сценарист оперирует словами, а режиссер — картинками.

— Режиссеры, знаете ли, бывают разными. Вот, например, для меня первостепенна литературная ос-

«Я хотел попроситься в воздушно-десантные войска, но на медкомиссии меня из-за сильного заикания забраковали»

Сергей БОДРОВ:
«С ним там все в порядке...»

Полгода длилась его минута молчания.

И нарушить ее было невозможно.

Хотя со всех сторон ему соболезновали.

Он старался уединиться и как можно дольше избегать публичных высказываний.

«Не знаю, почему я стал с вами разговаривать», — сказал Сергей

Бодров-старший после интервью.

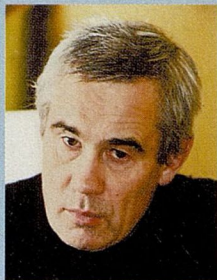
«Я не хочу, чтобы это интервью было опубликовано», — продолжил он, когда

я приехала к нему визировать текст.

Уговорить режиссера стоило немислимых усилий. Это — первое полноценное интервью после трагедии. И оно о жизни.

Геннадия АБРАМЧЕНКО

несекретные материалы Сергея Бодрова

Геннадий Абраменко

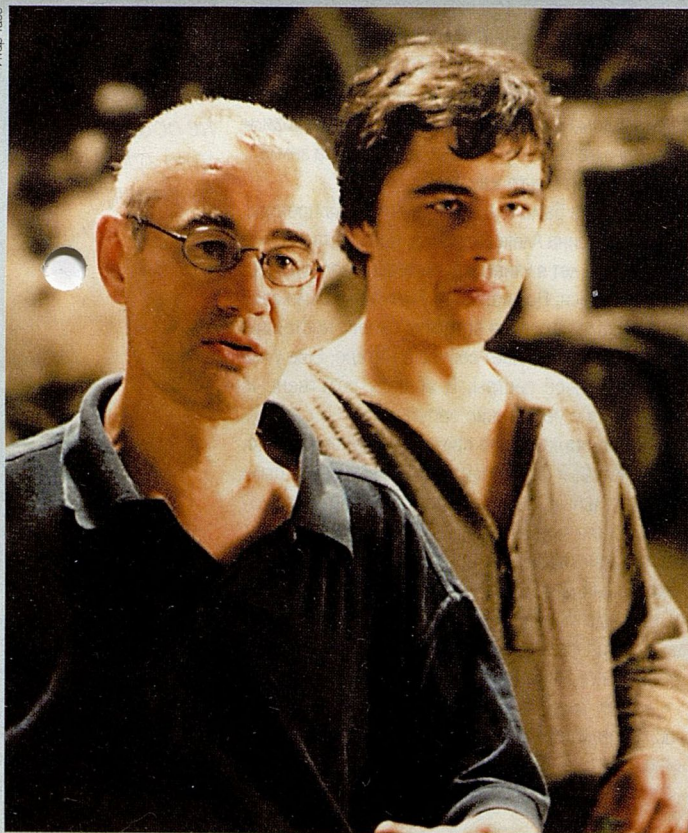
Режиссер, сценарист, продюсер. Родился 28 июня 1948 года в городе Хабаровске. Окончил сценарный факультет ВГИКа. По его сценариям сняты такие фильмы, как: "Любимая женщина механика Гаврилова" (1981), "Не ходите, девки, замуж" (1985), "Восток — Запад" (1999) и другие. Среди его режиссерских работ: "Катала" (1989), "Кавказский пленник" (1996), "Давай сделаем это по-быстрому" (2001), "Медвежий поцелуй" (2002) и т.д. С 1992 года живет и работает в США. Женат на американке. В России имеет четырехлетнюю внучку Олю и полугодовалого внука Александра.

нова. Хотя, конечно, и картинка не менее важна. Помню, в первом моем фильме "Сладкий сон внутри травы" (1984), который делал уже как режиссер, я особое место уделял видеоряду. Потому что до этого испытывал неудовольствие и некоторое неудобство от фильмов, снятых по моим сценариям.

— Но ведь у зрителя они имели успех.

— Ну, они были смешные, но не очень хорошие. Скажем так: сняты не в моей эстетике абсолютно. Я же писал завуалированно-иронично, а режиссеры делали потом прямой киношный сюжет. Мне не понравились в итоге практически все ленты, но, может быть, я был не прав. Удивительно, но, когда начинаешь снимать сам, собственными результатами также остаешься недоволен. И тогда думаешь: ну ладно, уж в следующий раз все получится лучше. Но и в другой раз все опять повторяется вновь, и тебя мучает разочарование и сожаление.

"Теперь я уже много из давно задуманного не сниму, потому что там должен был бы быть он..."

Илар Тасс

— Кстати, в одном из интервью меня поразила ваша фраза, когда вы сказали, что не верите всерьез в истории, которые быстро складываются, без заминок и проволочек. Так это же здорово, когда ситуация сама идет в руки, а не изобилует сложностями.

— Случается все достаточно разнообразно. Порой думаешь, что работа пойдет как по маслу, а сталкиваешься с одними проблемами. Вот последняя моя картина "Медвежий поцелуй" была в этом отношении нелегкой, но тем не менее доставила мне огромную радость. Как ни странно, иногда трудности, правда, помогают.

— Какие были трудности?

— Представьте: собрать надо было пять медведей, проехать с ними через все страны мира, где они никому не были нужны и их не пускали. Мы давали взятки и проходили. А еще система такова, что если не хватает денег на картину и тебе дает их какой-то регион, то только с условием, что ты обязан снимать на его территории и нигде больше. В моем случае это была Швеция. И все бы хорошо, но тут выяснилось, что в эту страну нельзя с медведями. Все эти глобальные вопросы, естественно, приходилось разруливать мне лично. Но мы вышли из положения таким образом: кадры без медведей снимали в Швеции, а с медведями уже в Германии, куда нас радушно с ними запустили. Все в итоге смонтировалось, но это, бесспорно, была головная боль.

— На этот раз довольны результатом?

— Я всегда найду к чему придраться. Но я рад, что снял "Медвежий поцелуй". И сейчас у меня особое чувство к этому фильму. На съемках я пережил счастливые минуты работы со своим сыном. Нам тогда с ним было очень хорошо. И группа подобралась замечательная. Мы много смеялись...

«Студии США

ориентированы на идютов»

— Как-то вы сказали, что в последнее время вас гораздо больше привлекают не сиюминутные, а вневременные сюжеты — мифы, притчи, сказки. Почему?

— Дело в том, что кино всегда слишком быстро устаревает. Есть вечные картины, но их единицы. Меня всерьез интересуют истории, которым буквально тысячи лет. В чем их загадка? Отчего на протяжении нескольких поколений они передаются из уст в уста? Ответ прост: значит, в них заложен огромный смысл. Веками рассказывали о любви девочки и медведя, о превращении человека в животное... Все это есть в фольклоре любой страны.

— То есть будете снимать фильмы в том же духе?

«В 29 лет я узнал, что мой папа мне не родной отец, но не удивился... Позже, когда у меня уже была своя семья и сын Серега, я встретил своего настоящего папу, который живет сейчас в Питере».

— Несколько лет назад вы мечтали проводить съемки в экзотических странах: в Африке, в Китае. Удалось?

— Китай еще впереди. А в Африке я снял в 99-м году американский фильм "Бегущий свободным". Он был не из моего списка, заказной. И я остался им страшно недоволен. К сожалению, в настоящий момент большие студии в США все-таки ориентированы на идиотов. Изготавливают продукцию для них.

«В мире есть волшебство»

— Вы сейчас постоянно живете в Америке?

— Я все меньше времени провожу в этой стране. Работаю в России, снимал вот в Африке, потом монтировал в Лондоне и в общем в Европе провел полтора года. А мой американский дом находится в Аризоне, на границе с Мексикой. Читали Кастанеду? Вот это те самые места.

— Свободные часы как проводите? Спорт вам не чужд?

— Раньше ездил верхом, плавал, играл в теннис. Сейчас все больше хожу пешком. А что касается отпуска или каких-то там каникул, то этого у меня уже давно не было. Я даже не понимаю, что это такое. По-моему, весьма скучное занятие. Мои путешествия связаны лишь с профессиональной деятельностью. Я забыл, когда покупал билет на самолет за собственные деньги.

— Люди всегда знали, чей вы папа. А вот про ваших родителей я что-то нигде не читала.

— Я родился на Дальнем Востоке, на границе с Китаем. Растили меня бабушка с дедушкой, врачи по специальности, очень интеллигентные люди. Жили мы на реке Уссури, в окружении четырех собак. Также в доме было четыре ружья. Поэтому ходили на охоту и на рыбалку. Это был такой рай на земле...

— А родители-то как же?

— С ними было сложно. У меня была прекрасная мама Ирина Александровна, врач-офтальмолог. Папа... В 29 лет я узнал, что он мне не родной отец, но не удивился. Позже, когда у меня уже была своя семья и сын Серега, я встретил своего настоящего папу, который живет сейчас в Питере. Еще у меня есть четыре сестры. В общем, родственные отношения у меня такие запутанные.

— Расскажите про свою нынешнюю семью.

— Женат я был неоднократно. Жены все были замечательные, и я со всеми до сих пор дружу. Ну а последняя моя супруга — американка итальянского происхождения. Зовут ее Кэролин. Она великолепный друг, партнер. Пока я мотаюсь по свету, она ждет меня вместе с нашей собакой породы джек-рассел-терьер, белой и черную крапинку.

— Жена тоже из киношной среды?

— Нет. Она была модным фотографом. Но сейчас, правда, тоже, как и я, пишет, занимается кино.

*«Я за добрые
гуманные
фильмы
и искренне
не понимаю
нашу прессу,
которая
обвиняет меня
в рассчитанном,
взвешенном
до мелочей
гуманизме.
И как ни
старайся,
не объяснишь,
что гуманизм —
это не кфуна,
его не взвесишь».*

Геннадий АБРАМЕНКО

«На свете полно всевозможных секретов и тайн» (на Первом международном фестивале кинодебютов «Дух огня» в Ханты-Мансийске).

— Не стоит делать таких выводов. Еще очень давно я себе написал список тем, которые хочу воплотить на экране. В 94-м году я написал сценарий "Медвежьего поцелуя". В этом году я буду снимать картину "Заики". Этому сюжету уже, наверное, лет 20.

— Уже не раз во время нашего интервью мы так или иначе возвращаемся к проблеме заикания. Если я спрошу, почему вы стали заикаться, это прозвучит неактично?

— Да нет, нормально. Виной всему испуг. Однажды, когда мне было годика четыре, меня оставили вечером одного в пустом, гулком деревенском доме. И, видимо, какой-то пьяный стучался в запертую дверь, пытаюсь войти. Но я этого ничего не помню, мне рассказали.

— А вы никогда не старались избавиться от этого недуга?

— Я лечился и сегодня заикаюсь гораздо меньше, чем в юности. Об этом как раз и будет мой фильм.

— Играть будут русские актеры?

— Да, только русские.

— Есть ли, по-вашему, какие-то рецепты написания успешного сценария?

— Безусловно, они существуют. Но мне кажется, что главное, чтобы автора тема действительно сильно волновала и затрагивала, он ее должен знать буквально досконально. Вот меня захватывают перипетии человеческих взаимоотношений. Мне часто предлагают снимать экшн. Но я как-то остаюсь к нему равнодушен.

«Мой американский дом находится в Аризоне, на границе с Мексикой. Читали Кастанеду? Вот это те самые места».

— Чуть ранее вы упомянули Кастанеду. Вам нравятся подобные книги?

— Там встречаются интересные вещи. У него есть гениальная фраза: “Мы живем только дважды”. Весь смысл в том, чтобы иметь расширенное сознание и понимать, что мы знаем лишь часть мира. На свете полно всевозможных тайн, секретов и волшебства.

— Поэтому для великих режиссеров всегда найдется работа. Какими именами восхищаетесь в мировом кинематографе?

— Всегда нравилось итальянское кино, особенно комедии. Люблю картины Феллини, Висконти. И фильмы русских режиссеров — Германа, Данелии. Перечислять можно бесконечно, я достаточно всеяден.

«На площадке полезно кричать»

— Режиссерам принято иметь командный тон. Вы часто повышаете голос на площадке?

— Редко. Вообще, кричать на площадке полезно, но один раз. Я это понял, когда на съемке одного из фильмов, где-то к середине процесса, все как-то уж слишком успокоилось, и тут я вышел из себя и обнаружил, насколько это действенно. И если первый раз я заорал случайно, то теперь иногда применяю эту методику умышленно. Скандал, как выяснилось, тонизирует. Хотя по натуре я совсем не диктатор, люблю работать со сплоченной талантливой командой и брать высокие ноты себя порой заставляю.

— Фильм “Давай сделаем это по-быстрому” с Машковым в главной роли почему-то не произвел на меня должного впечатления. Вы его снимали для западного зрителя?

— С ним была такая история: у меня между другими проектами был промежуток в шесть месяцев, за который я планировал успеть сделать картину, чтобы после неудачной американской ленты “Бегущий свободным” хоть как-то себя взбодрить. Поэтому надо было придумать сюжет, под который можно было бы быстро собрать денег. Что, собственно, я и сделал. И сама тема азартна: какими будут твои действия

в последние 24 часа жизни, если ты уже знаешь о своем конце?

— То есть в отличие от многих творцов на сегодняшний день вы существуете без долгих простоев?

— Бесспорно. Работаю даже в слишком интенсивном режиме.

— Но нельзя забывать, что вы еще и дедушка 4-летней Ольги и полугодовалого Саши. На них время находится?

— Я Сереге обещал, что буду хорошим дедушкой. Наверное, опять не получается... Но я стараюсь.

— О Сереже будете снимать фильм?

— Не знаю. О нем снимать трудно. Но я точно знаю, что, к сожалению, уже много из давно задуманного не сниму, потому что там должен был бы быть он... Пока все очень близко и больно... Может быть, я напишу книгу. Посмотрим. Но в любом случае должно пройти время. Меня потрясло, что случившееся не стало только моей личной бедой. Это оказалось народным горем. До сих пор мне Сельянов передает письма с пронзительными строчками. И они спасают, эти люди, которые тебе помогают. Осетины, тоже потерявшие в этом ущелье своих родных, подходили ко мне и просили прощения. Я удивлялся: “За что?” — “За то, что это случилось на нашей земле”, — отвечали они. Да, нам, оставшимся здесь, обидно, горько, но надо держаться, работать... Меня успокаивает и дает силы лишь мысль, что там с ним все в порядке, я уверен...

— ЕЛЕНА ГРИБКОВА

“Скандал на площадке тонизирует”
(вполне мирный разговор в рамках фестиваля с Татьяной Аруби).

“Меня не захватывает экшен. Гораздо интереснее перипетии человеческих взаимоотношений”.

Валерий ПЛОТНИКОВ